

УДК 821.161.1

МОТИВЫ СНА И УВЯДАНИЯ В БАХЧИСАРАЙСКОМ ТЕКСТЕ РУССКИХ ПОЭТОВ XIX-XX ВВ.

Иванова Н. П.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: N-P-Ivanova@yandex.ru

В статье с помощью метода мотивного анализа исследуются средства реализации мотивов сна и увядания в Бахчисарайском тексте русских поэтов XIX-XX вв. В ходе исследования выдвигается гипотеза о том, что такого рода текстовое образование может рассматриваться в качестве топического сверхтекста, сформированного на основе значимого в русской культуре топоса Бахчисарая благодаря моделирующей функции указанных мотивов, обладающих такими свойствами, как повторяемость и вариативность. Инвариантным значением мотива увядания является утрата былой красоты и величия, а мотива сна – мечта, греза, воспоминание, некое пограничное, межмиренное состояние человеческой души. Последнее значение, будучи реализованным в Бахчисарайском тексте, восходит к романтической философии двоемирия и стремлению преодолеть характерную для романтиков бинарную оппозицию «мечта – реальность». В ходе экспликации указанного топоса происходит процесс его мифологизации, осуществляющийся под влиянием интертекстуальных связей с поэмой А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»: созданные посредством мотива сна романтические картины оказывают воздействие на сознание воспринимающего субъекта, вытесняя из него продиктованный реальностью мотив увядания, определяя отношение к окружающему миру и желание отыскать черты мира мечты в реальности. Последовательная реализация обозначенных мотивов Бахчисарайском тексте русских поэтов XIX-XX вв. обеспечивает его концептуальное единство.

Ключевые слова: мотив, мотивная структура, топический сверхтекст, Бахчисарайский текст, топос, оппозиция «мечта – реальность».

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на более чем вековую историю функционирования, метод мотивного анализа остается актуальным и для современного литературоведения. Как известно, еще в конце XIX А. Н. Веселовский в труде «Историческая поэтика» использовал по сути своей интермедиальный термин «мотив», понимая его как «простейшую повествовательную единицу» [4]. Затем этим понятием оперировали такие известные литературоведы, как А. И. Белецкий, А. К. Бем, В. Я. Пропп, Б. В. Томашевский, Б. М. Гаспаров, И. В. Силантьев, В. И. Тюпа и др. При всем многообразии его определений исследователи указывают на такие свойства мотива, как повторяемость, вариативность, но при этом наличие инварианта. Именно эти свойства определяют текстообразующую функцию указанной категории: «мотивы репрезентируют

смыслы и связывают тексты в единое смысловое пространство» [17, с. 56]. Таким образом создается своего рода сверхтекст – «некоторое множество текстов, отличающееся высокой степенью общности, что позволяет рассматривать их как некое целостно-единое словесно-концептуальное («сверхсемантическое») образование» [9, с. 100]. Благодаря этой моделирующей функции лейтмотива сверхтекст и приобретает свою концептуальную завершенность, а анализ его мотивной структуры – особую актуальность.

Классифицируя такого рода текстовые образования, современные исследователи (Л. М. Гаврилина, С. О. Курьянов, А. Г. Лошаков, Н. Н. Старыгина) выделяют локальные сверхтексты – «смыслорождающие структуры, конструируемые исследователем... на основе инвариантных характеристик социокультурного пространства» [18, с. 131] и топические, являющиеся результатом концептуализации и мифологизации их пространственных составляющих. На характеристику топического сверхтекста указывает С. О. Курьянов, говоря то том, что его формирует «миф, явленный в контексте нескольких произведений» [8, с. 113].

В связи с вышесказанным представляется возможным высказать предположение о существовании Бахчисарайского текста (по аналогии с Петербургским, Московским, Лондонским, Итальянским и пр. текстами). Безусловно, он уступает перечисленным структурам в масштабности, но его референтное пространство совершенно отчетливо организуется вокруг определенного ценностно значимого для культуры локуса (в данном случае, скорее, топоса), и его организующим началом является миф.

Значимым для русской культуры топосом Бахчисарай стал с выходом в свет в 1824 году поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». В течение менее чем двадцати лет после этого события в литературе (работы В. А. Жуковского и Г. П. Данилевского, стихотворения В. Г. Бенедиктова и П. А. Вяземского) сформировался и устойчиво закрепился миф об этом городе, по сей день воспринимаемом сквозь призму пушкинского романтического произведения. Это еще один аргумент в пользу существования Бахчисарайского текста, так как, согласно заключению А. Г. Лошакова, любой сверхтекст строится благодаря

«процессам смыслопорождения, которые осуществляются на основе, с одной стороны, центростремительных межтекстовых связей, с другой – центробежных интертекстуальных связей, ориентированных в сферу смыслов тех текстов и контекстов, которые находятся вне сверхтекста...» [9, с. 7].

Благодаря пушкинскому претексту в отечественном культурном пространстве Бахчисарай воспринимался и воспринимается как ожившая легенда, место, где разгораются романтические страсти в антураже абсолютной красоты. Не зря А. А. Ахматова в стихотворении «Вновь подарен мне дремотой...» и Леся Украинка в стихотворении «Бахчисарай» рифмуют указанный топоним со словом «рай». Однако это не соответствовало действительности уже в момент посещения Ханского дворца А. С. Пушкиным. Доказательством служит известная дневниковая запись поэта: «В Бахчисарай приехал я больной... Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода» [15, Т. 7, с. 280-281]. Но на основе традиционной для романтиков философии двоемирия в художественном мире пушкинской лирики был создан тот Бахчисарай, который по своему воздействию на читательское мировосприятие оказался гораздо сильнее реального. И здесь чрезвычайно интересное наблюдение сделал В. О. Пигулевский, утверждающий, что при такого рода «удвоении мира» функции посредника между двумя мирами принимает на себя «сон», который и сам по себе может в этом случае становиться иной, особой реальностью [13, с. 95]. О сходстве природы сна и мифа, сна и мечты, сна и творческого процесса писали многие как отечественные, так и зарубежные исследователи (К. Абрагам, В. В. Ванслов, А. К. Жолковский, Л. М. Ельницкая, Ю. М. Лотман, В. М. Марковач, Д. А. Нечаенко, Н. А. Тархова, Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, Э. Фромм, Т. В. Цивьян и др.). Так, по мнению Э. Фромма, «миф, как и сон, предлагает историю, происходящую в пространстве и во времени, историю, которая языком символов выражает религиозные и философские идеи, опыт души, в которой лежит реальное значение мифа» [21, с. 195]. В. О. Пигулевский справедливо полагает, что таким образом в художественном мире писателя или поэта создается «высшая реальность, открывающаяся при вспышках озарения, описывается понятиями мечта, грёза, сон. В

этой реальности осуществляются желания, не реализованные в действительности» [13, с. 96]. В Бахчисарайском тексте русских поэтов XIX – XX вв. последовательно эксплицируется мотив сна как отзвук существования иной, пушкинской, реальности, как отголосок мифа о Бахчисарае и мотив увядания как слепок реального мира. В совокупности эти мотивы реализуют традиционную для романтического мировосприятия бинарную оппозицию «мечта – реальность» и, как правило, являются взаимообусловленными и взаимодополняющими, следовательно, цель проводимого исследования – анализ их роли в формировании Бахчисарайского текста.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Мотив сна возникает уже в самой поэме А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», в финальной части которой поэт пишет: «Я посетил Бахчисарая / В забвеньи дремлющий дворец» [15, Т. 3, с. 156]. На первый взгляд, происходит соединение мотивов сна и увядания, однако это не совсем так. В. М. Маркович указывает на то, что «сон ассоциируется с мечтой, надеждой, любовью, творчеством, воспоминанием, предчувствием, выступающими в романтическом ореоле – как переживания высшего порядка» [10, с. 8]. Дремота дворца становится средством реализации иного мира, возможно, давно ушедшего («татарин буйный пировал», «вздыхали жены в тишине»), а возможно, созданного мечтой и воображением поэта, но границ между этим миром и реальностью явно не существует, и прошедшее время сменяется настоящим: «Еще поныне дышит нега / В пустых покоях и садах; / Играют воды, рдеют розы, / И выются виноградны лозы, / И злато блещет на стенах» [15, Т. 3, с. 156-157].

С античных времен выстраивались параллели сна и смерти, пробуждения и воскрешения, и в финале пушкинской поэмы мотив сна, как представляется, эксплицирован также в изображении ханского кладбища, где также стерта граница между ушедшим и существующим: «Сии надгробные столбы, / Венчанны мраморной чалмою, / Казалось мне, завет судьбы / Гласили внятную молвою» [15, Т. 3, с. 157]. И поэт видит в опустевшем гареме тень Марии или Заремы и говорит о своем желании

вновь увидеть «брега веселые Салгира». Таким образом реализуется механизм мифологизации Бахчисарая: эксплицированные посредством мотива сна романтические картины оказывают влияние на сознание воспринимающего субъекта, вытесняя из него продиктованный реальностью мотив увядания, определяя отношение к окружающему миру и желание отыскать черты мира мечты в реальности: «Приду на склон приморских гор, / Воспоминаний тайных полный, – / И вновь таврические волны / Обрадуют мой жадный взор. / Волшебный край! очей отрада! / Все живо там: холмы, леса, / Янтарь и яхонт винограда, / Долин уютная краса, / И струй и тополей прохлада...» [15, Т. 3, с. 158].

И далее на протяжении двух веков этот механизм мифологизации будет последовательно реализовываться в процессе создания Бахчисарайского текста. Всего через год после выхода в свет пушкинской поэмы в сонете А. Мицкевича «Бахчисарай» дана отсылка к ней и эксплицирован мотив увядания: «Величествен и пуст дворец, где жил Гирей. / Роскошной жизни след заткала паутина... / Разросся дикий плющ в пролетах галерей / И чертит письма... Унылая картина! / То Валтасара знак таинственный «РУИНА» / Природа нанесла на все дела людей» [11, с. 100]. Этот мотив приобретает черты общечеловеческого приговора, а разрушающийся Бахчисарайский дворец становится моделью мироздания, однако надежда на спасение есть, пока жив пушкинский фонтан: «Один фонтан журчит, как прежде, в полдень синий. / Роня жемчуг слез над чашею резной, / Разносит голос он в безжизненной пустыне: / О слава, власть, любовь, что здесь текли рекой! / Исыкли скоро вы, а я струюсь донныне, / Тревожа – о позор! – безмолвия покой» [11, с. 100]. Таким образом утверждается незыблемая связь времен: все, что, казалось бы, безвозвратно ушло, находит свой отзвук в настоящем и, думается, найдет в будущем.

Другой современник А. С. Пушкина – П. П. Гнедич – в стихотворении «Бахчисарай» также реализует мотив увядания: «...Все в запустеньи! Сын востока / Забросил чудный уголок – / И захирел в венке пророка / Блиставший некогда цветок» [7]. Описывает он и «царское кладбище», которое «на солнце дремлет у дворца», эксплицируя при этом мотив сна, или, как пишет П. А. Гнедич, «царственного покоя», не нарушаемого ничем, кроме «вечного плеска фонтана». Таким образом

категория «прошлое» трансформируется в «вечное», сон семантизируется благодаря отсылке к сюжету пушкинской поэмы.

Повторяемость мотива сна в Бахчисарайском тексте приводит к тому, что этот город зачатую изображается в ночное время. Так происходит и в стихотворении Г. П. Данилевского «Бахчисарайская ночь»: 1) «На террасах розы / В сон погружены...»; 2) «Вязов-великанов / Сонный ряд стоит...» [7]. Здесь также есть упоминание о ханском кладбище, полном призраков, что указывает на присутствие элементов ушедшего мира в реальном. Представляется, что влияние пушкинской поэмы привело к тому, что большинство поэтов, описывая Бахчисарай, упоминают об одном фонтане, как А. Мицкевич и П. П. Гнедич, хотя всего в Бахчисарае было около 150 фонтанов во дворах и на перекрестках, так как восточное представление о рае – Иреме – неразрывно связано с образом сада и плещущих в нем фонтанов. Из них два десятка украшали дворцовый комплекс, и в этом смысле Г. П. Данилевский следует исторической правде: «Тихий плеск фонтанов / От дворцов летит» [7]. Как известно, предание гласит о том, что воспетый А. С. Пушкиным фонтан слез был построен в память о рано ушедшей любимой жене хана Крым-Гирея Диляре-Бикеч (Диноре Хионис) у входа в ее усыпальницу, и его устройство связано с этим печальным событием. Однако следует сказать и о том, что восточные фонтаны, как правило, утроены так, что вода из них течет по каплям, так как люди этого края с трудом добывают воду и с почтением к ней относятся. В связи с чем понятна причина описания Г. П. Данилевским Бахчисарая в финале стихотворения: «И молчат утесы, / И сады молчат... / И одни лишь слезы / В тишине звучат [7]. Таким образом смысловым и эмоциональным наполнением фонтана слез оказывается окрашен весь город.

В стихотворении В. Г. Бенедиктова «Бахчисарай» (1843 г.) также описан ночной город и множество фонтанов, однако на фонтан слез поэт указывает как на «тот фонтан» и отсылает нас к тексту пушкинской поэмы: «Вот тот фонтан!.. Когда о нем, / Гремя, вещал орган России, / Сей мрамор плакал в честь Марии, / Он бил слезами в водоем» [3, с. 139].

А в стихотворении Леси Украинки «Бахчисарайский дворец» предпочтение отдано реальности и ведущим является мотив увядания: дворец дважды назван руиной, описаны развалины гарема, поэтесса также говорит о множестве фонтанов, которыми «себе оплакує оселя ся чудова». Отсылка к пушкинскому тексту здесь не угадывается ни на сюжетном, ни на эмоциональном уровне. Мотив увядания эксплицирован и в стихотворении «Бахчисарайская гробница», где Леся Украинка упоминает сюжет «Бахчисарайского фонтана» лишь для того, чтоб сделать этот мотив всеобъемлющим и утвердить господство реальности: «Ні, тут не лежить краса гарема, / Марія смутна чи палка Зарема, – / Тут спочива бахчисарайська слава!» [20, Т. 1, с. 107]. Однако в стихотворении «Бахчисарай» реализован скорее мир мечты, упоминается лишь один фонтан, присутствует семантика райского сада и последовательно эксплицирован мотив сна в описании ночного города: «Мов зачарований, стоїть Бахчисарай. / Шле місяць з неба промені злотисті, / Блищать, мов срібні, білі стіни в місті, / Спить ціле місто, мов заклятий край. / Скрізь мінарети й дерева сріблесті / Мов стережуть сей тихий сонний рай; / У темряві та в винограднім листі / Таємно плеще тихий водограй. / Повітря дише чарівним спокоєм, Над сонним містом легкокрилим роєм / Витають красні мрії, давні сни. [20, Т. 1, с. 107]. Образ райского сада создан обилием сверкающих красок, сны соединяются с мечтами, хранят память о прошлом – таким образом актуализируются воспоминания «про давні часи», настоящее вновь переключается с прошлым, а сиюминутное – с вечным.

В художественном мире А. А. Ахматовой также семантика райского сада является непременным атрибутом мира мечты, воплощенного посредством реализации мотива сна: «Вновь подарен мне дремотой / Наш последний звездный рай – / Город чистых водометов, / Золотой Бахчисарай» [1, с. 72]. Здесь угадываются и отголоски мифа о Небесном граде из Откровения Иоанна Богослова. Однако реальность вторгается в мир мечты и биографическими фактами, и эмоциональным фоном, и мотивом увядания, внесенным осенним пейзажем: «Осень смуглая в подоле / Красных листьев принесла» [1, с. 72].

Сходное с пушкинским восприятие Бахчисарая предстает перед нами в поэме В. В. Набокова «Крым» (1920 г.). Город вновь описан в ночное время, реализован мотив

увядания, однако наряду с ним эксплицирована и семантика райского сада, а благодаря образам фонтана слез и самого А. С. Пушкина временное вновь приобретает черты вечного: «И посетил я по дороге / чертог увядший. Лунный луч / белел на каменном пороге. / В сенях воздушных капал ключ / очарованья, ключ, печали, / и сказки вечные журчали / в ночной прозрачной тишине, / и звезды сыпались над садом. / Вдруг Пушкин встал со мною рядом / и ясно улыбнулся мне...» [12, с.235].

Пушкинский текст и пушкинский миф о Бахчисарае позволяют В. В. Набокову преодолеть антиномию мечты и реальности, временного и вечного и смягчить трагизм расставания (поэму он написал, уже находясь в эмиграции). А другой поэт, также перед расставанием с родиной посетивший Бахчисарай, Н. Н. Туроверов, сознательно пытается найти эмоциональную поддержку, придя во дворец и обращаясь к культурной памяти. Однако безуспешность этой попытки делают мотив увядания главенствующим, а оппозиции «мечта – реальность» и «временное – вечное» непреодолимыми: «На юг, на юг. Всему конец. / В незабываемом волнении, / Я посетил тогда дворец / В его печальном запустении. / И увидал я ветхий зал, / Мерцала тускло позолота, - / С трудом стихи я вспоминал, / В пустом дворце искал кого-то» [19].

В стихотворении А. Нивина «Бахчисарай» мотив сна является ведущим. Он вновь эксплицирует семантику райского сада и, видимо, отсылает к сюжету пушкинской поэмы: «Кофейни дремлют... По камням / Простукал всадник... Здесь и там, / В садах таинственны и немые, / Под говор оживленных вод, / Мерцают сонные гаремы... / Чу! Словно крик!.. И вновь плывет / Бесшумно тень...» Нерушимость этого промежуточного состояния между реальностью и миром грез утверждается и в финале произведения: «И снова - тишь, и сон, и зной!..» [7].

ВЫВОДЫ

Таким образом, мотивы сна и увядания, последовательно реализуясь в Бахчисарайском тексте русских поэтов XIX-XX вв. и наделяя его признаками топического сверттекста, эксплицируют константные представления (термин

С. О. Курьянова) об этом топосе, а также бинарную оппозицию «мечта – реальность». Мотив увядания возникает, когда поэты изображают реальное состояние современного им города. Воплощая же мотив сна при описании Бахчисарая, они получают возможность преодолеть указанную антиномию, и внешне утративший былую красоту и величие (инвариантное значение мотива увядания) город наделяется семантикой райского сада. Такого рода трансформация семантики указанного топоса происходит или может происходить в результате процесса его мифологизации, осуществляющейся под влиянием «центробежных интертекстуальных связей» с поэмой А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Характерная для романтиков философия двоemiрия, основанная на противопоставлении реального мира миру мечты, порождает инвариантное значение мотива сна: мечта, греза, воспоминание, некое пограничное, межмиренное состояние человеческой души. Последовательная реализация обозначенных мотивов Бахчисарайском тексте русских поэтов XIX-XX вв. обеспечивает его концептуальное единство на основе «центростремительных межтекстовых связей».

Список литературы

1. Ахматова, А. А. Собрание сочинений. В 6 т. [Текст] / А. А. Ахматова. – Москва: Эллис Лак, 2002; Т. 7 (дополнительный). – 2004.
2. Белецкий, А. И. В мастерской художника слова [Текст] / А.И. Белецкий. – М.: Высш. шк., 1969. – 169 с.
3. Бенедиктов, В. Г. Стихотворения [Текст] / В. Г. Бенедиктов. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1939. – 376 с.
4. Веселовский, А. Н. Поэтика сюжетов [Текст] / А. Н. Веселовский. – Л.: Худож. лит., 1940. – 649 с.
5. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М.: Наука; Восточная лит., 1993. – 304 с.
6. Краснов, Г. В. Мотив в структуре прозаического произведения: К постановке вопроса [Текст] / Г. В. Краснов // Вопросы сюжета и композиции. – Горький: Изд-во ГГУ, 1980. – Вып. 4. – С. 69-81.

7. Крым в русской поэзии: Бахчисарай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimea.russianplanet.ru/poetry/saray.htm>. – (Дата обращения:10.09.2017).
8. Курьянов, С. О. О Крымском тексте и формировании сверхтекста [Текст] / С. О. Курьянов // Современная картина мира: крымский контекст. – Симферополь, 2017. – С. 90-113.
9. Лошаков, А. Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования [Текст] / А. Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб, 2008. – № 66. – С.100-109.
10. Маркович, В. М. Сон Татьяны в поэтической структуре «Евгения Онегина» [Текст] / В. М. Маркович // Болдинские чтения. – Горький, 1980. – С. 25-47.
11. Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы [Текст] / А. Мицкевич. – М.: Художественная литература, 1968. – 144 с.
12. Набоков, В. В. Стихотворения и поэмы [Текст] / В. В. Набоков. – М.: Современник, 1991. – 576 с.
13. Пигулевский, В. О. Романтический универсум, сюр- и гиперреальность и историко-теоретические проблемы искусства [Текст] / В. О. Пигулевский. – Кишинёв, 1987. – С. 95-96.
14. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В. Я. Пропп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
15. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в 10 томах [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1959–1962.
16. Русанова, О. Н. Мотив в аспекте исторической поэтики [Текст] / О. Н. Русанова // Вестник ТГПУ. 2006. – Вып. 8 (59). Серия: Гуманитарные науки (филология). – С. 120-126.
17. Силантьев, И. В. Поэтика мотива [Текст] / И. В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
18. Старыгина, Н. Н. Система локальных сверхтекстов русской литературы [Текст] / Н. Н. Старыгина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – Чебоксары, 2017. – № 3-2 (95). – С. 129-136.

19. Туроверов, Н. Н. Бахчисарай [Электронный ресурс] / Н. Н. Туроверов. – Режим доступа: http://tavrida_liter.chat.ru/klas/bahchi.htm. – (Дата обращения: 01.03.2018).
20. Українка, Л. Зібрання творів у 12 тт. [Текст] / Л. Українка. – К. : Наукова думка, 1975.
21. Фромм, Э. Забытый язык [Текст] / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2017. – 320 с.

References

1. Akhmatova A. A. *Sobranie Sochinenii. V 6 Tomakh.* [Collected Works. In 6 Vol.]. Moscow: Ellis Lak Publ., 2002; Vol. 7. 2004.
2. Beletsky A. I. *V Masterskoi Khudozhnika Slova* [In the Artist's Workshop of the Word]. M.: Higher School Publ., 1969. 169 p.
3. Benedictov V. G. *Stikhotvoreniya* [Poems]. L.: Soviet Writer Publ., 1939. 376 p.
4. Veselovsky A. N. *Poetika Syuzhetov* [Poetics of Plots]. *Historical poetics.* L: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1940. 649 p.
5. Gasparov B. M. *Literaturnye Leitmotivy. Ocherki po Russkoi Literature XX Veka* [Literary Leitmotifs. Essays on Russian Literature of the 20th Century]. M.: Science; Eastern Literature Publ., 1993. 304 p.
6. Krasnov G.V. *Motiv v Strukture Prozaicheskogo Proizvedeniya: K Postanovke Voprosa* [Motive in the Structure of the Prose Work: Towards the Posing of the Question]. *Questions of the Plot and Composition.* Gorky: Publishing House of the State University, 1980. Vol. 4. Pp. 69-81.
7. *Krym v Russkoy Poezii: Bakhchisarai* [Crimea in Russian Poetry: Bakhchisarai]. Available at: <http://crimea.russianplanet.ru/poetry/saray.htm>. (accessed: 09.10.2017).
8. Kuryanov S. O. *O Krymskom Tekste i Formirovanii Sverkhteksta* [About the Crimean Text and the Formation of the Supertext]. *Modern Picture of the World: Crimean Context.* Simferopol, 2017. Pp. 90-113.
9. Loshakov A. G. *Sverkhtekst: Problema Tselostnosti, Printsipy Modelirovaniya* [Supertext: the Problem of Integrity, Principles of Modeling]. Proceedings of A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. SPb, 2008. No. 66. Pp. 100-109.

10. Markovich V. M. *Son Tat'yany v Poeticheskoi Strukture «Yevgeniya Onegina»* [Sleep of Tatiana in the Poetic Structure of *Evgenii Onegin*]. *Boldino Readings*. Gorky, 1980. Pp. 25-47.
11. Mickiewicz A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems]. A. Mickiewicz. M.: Fiction Publ., 1968. 144 p.
12. Nabokov V. V. *Stikhotvoreniya i Poemy* [Poems] / V. V. Nabokov. M.: Sovremennik Publ., 1991. 576 p.
13. Pigulevsky V. O. *Romanticheskii Universum, Syur- i Giperreal'nost' i Istoriko-Teoreticheskie Problemy Iskusstva* [Romantic Universum, Sur- and Hyper-Reality and Historical-Theoretical Problems of Art]. Chisinau, 1987. Pp. 95-96.
14. Propp V. Ya. *Istoricheskie Kornia Volshebnoi Skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale]. L.: Leningrad State University Publ., 1986. 364 p.
15. Pushkin A. S. *Sobraniye Sochinenii v 10 Tomakh* [Collected Works in 10 Vol.]. M.: GIKHL Publ., 1959-1962.
16. Rusanova O. N. *Motiv v Aspekte Istoricheskoi Poetiki* [Motive in the Aspect of Historical Poetics]. *Bulletin of TSPU*. 2006. Vol. 8 (59). Series: Humanities (Philology). Pp. 120-126.
17. Silantyev I. V. *Poetika Motiva* [Poetics of Motive]. M.: Languages of Slavic Culture Publ., 2004. 296 p.
18. Starygina N. N. *Sistema Lokal'nykh Sverkh tekstov Russkoy Literatury* [The System of Local Supertexts of Russian Literature]. *Bulletin of I. Ya. Yakovlev Chuvashia State Pedagogical University*. Cheboksary, 2017. № 3-2 (95). Pp. 129-136.
19. Turoverov N. N. *Bakhchisarai* [Bakhchisarai]. Available at: http://tavrida_liter.chat.ru/klas/bahchi.htm. (accessed 03.01.2018).
20. Ukrainka L. *Zibrannya Tvoriv u 12 Tomakh* [Collected Works in 12 Vol.]. K.: Naukova Dumka Publ., 1975.
21. Fromm E. *Zabytyi Yazyk* [The Forgotten Language]. M.: AST Publ., 2017. 320 p.

**THE MOTIFS OF DREAM AND WILTING IN BAKHCHISARAI TEXT OF
RUSSIAN POETS
OF THE 19TH -20TH CENTURIES**

Ivanova N. P.

In the article, using the method of motif analysis, the means of realizing the motifs of dream and wilting in the Bakhchisarai text of Russian poets of the XIX-XX centuries are investigated. In the course of the study, it is hypothesized that this kind of textual formation can be considered as a topical supertext, formed on the basis of Bakhchisarai's significant in Russian culture, due to the modeling function of these motifs with such properties as repeatability and variability. The invariant meaning of the motif of wilting is the loss of past beauty and grandeur, and the motif of dream is a dream, a memory, a kind of borderline, interworldly state of the human soul. The latter meaning, being realized in the Bakhchisarai text, goes back to romantic philosophy of double world and the desire to overcome the binary opposition "dream - reality" characteristic of romantics. During the explication of this topos, the process of its mythologization takes place, influenced by intertextual links with the poem by A. S. Pushkin *The Fountain of Bakhchisarai*: romantic pictures created by the motif of dream influence the consciousness of the perceiving subject, displacing the motif of wilting dictated by reality, defining the attitude to the world around us and the desire to find the features of the world of dreams in reality. Consistent implementation of the designated motifs of the Bakhchisarai text of Russian poets of the XIX-XX centuries ensures its conceptual unity.

Keywords: motive, motive structure, topical supertext, Bakhchisarai text, topos, opposition "dream - relation".